

Глобальные экологические идеологии: можно ли разрешить конфликт человека и природы?

Олег Барабанов, Екатерина Саворская

Этот текст и другие доклады можно
скачать на нашем сайте:
<http://ru.valdaiclub.com/a/reports/>

Данный текст отражает личное мнение автора или группы
авторов, которое может не совпадать с позицией Клуба,
если явно не указано иное.

ISBN 978-5-906757-90-6

© Фонд развития и поддержки Международного
дискуссионного клуба «Валдай», 2018

Российская Федерация, 115184, Москва,
улица Большая Татарская, дом 42

Международный дискуссионный клуб «Валдай» и авторы доклада благодарят участников ситуационного анализа за высказанные мнения, ставшие частью данной работы.

Астасина Александра Владимировна

Руководитель информационно-аналитического управления и председатель Совета регионального отделения в г. Москва Российской экологической партии «Зелёные»

Ибрагимова Ксения Александровна

Ведущий эксперт управления научной политики МГИМО

Миронов Александр Сергеевич

Кандидат химических наук, специалист по ядерной экологии

Сывороткин Владимир Леонидович

Доктор геолого-минералогических наук, ведущий научный сотрудник Геологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Честин Игорь Евгеньевич

Кандидат биологических наук, директор Всемирного фонда дикой природы в России

Об авторах

Олег Николаевич Барабанов

Доктор политических наук, профессор РАН, программный директор
Международного дискуссионного клуба «Валдай», профессор
МГИМО

Екатерина Владимировна Саворская

Кандидат политических наук, доцент Факультета мировой политики
МГУ им. М.В. Ломоносова

Содержание

- 4 Глобальное всеобщее достояние и его идеологическое осмысление
- 8 Идеологии энвайронментализма: 50 оттенков зелёного
- 13 Экология и «общество риска»
- 15 Эконегативизм
- 16 Инструменты реализации экологических идеологий
- 20 Экологические идеологии и глобальная практическая политика
- 28 Заключение

Глобальное всеобщее достояние и его идеологическое осмысление

Одной из ключевых тенденций современной глобальной политики является постепенно наблюдающийся сдвиг от «чистой» геополитики и hard/soft power суверенных государств к проблематике глобальных проблем (экологических, ресурсных, демографических, социальных). В течение прошедшего десятилетия сам термин «глобальные проблемы» кристаллизовался в новое понятие «Global Commons» – «глобальное всеобщее достояние», понимаемое как в узком экологическом смысле, так и в более широком социальном. Оно обсуждается как в формате ООН в контексте Целей развития тысячелетия, так и на различных международных площадках. На XIV Ежегодном заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» в октябре 2017 г. была проведена целая серия сессий на эти темы («Конфликт человека и природы», «Конфликт богатых и бедных», «Конфликт прогресса и гуманизма»).

Следует отметить, что термин Global Commons сразу же получил многозначное толкование. В узком смысле слова под глобальным всеобщим достоянием понимается окружающая среда: воздух (и климат), питьевая вода, пахотные ресурсы, биоразнообразие и так далее. А в расширенном смысле слова Global Commons включают и социальное общее достояние планетарного человеческого общества: доступ к здравоохранению, к минимальной (а затем и к продвинутой белковой) пищевой корзине, к комфортной городской и социальной среде и так далее. А в самой радикальной и расширенной трактовке в качестве Global Commons воспринимается и планетарное (т.е. трансграничное) единство человеческого рода. Динамика развития глобального человеческого общества в XXI в. ставит вопрос об отношении к этому всеобщему достоянию во главу угла. А поскольку оно является глобальным и всеобщим, то оно с неизбежностью будет бросать вызов государственному суверенитету и может привести к принципиально новому типу конфликтов в будущем. Зачатки их видны уже сейчас (это споры вокруг углеродных квот, «водные войны», миграционные конфликты и т.п.). В дальнейшем рост проблем в этой связи будет только нарастать.

Важно отметить и то, что концепт Global Commons и права всех на доступ к ним является не просто политической программой: он очень быстро стал ценностно и идеологически насыщенным предметом. Активно формируется новая экологическая идеология, которая в своей умеренной трактовке (устойчивое развитие, Цели развития тысячелетия и пр.) уже стала практически ценностным мейнстримом на глобальном уровне. Помимо этого, она даёт и многие радикальные альтернативы (экологический анархизм, экологический авторитаризм, эkofеминизм и т.п.), которые могут стать вызовом глобальному мейнстриму и статус-кво – в не меньшей степени, чем несистемные правый и левый протесты являются сейчас вызовом сложившемуся глобальному геополитическому и экономическому порядку. В то же время параллельно с радикальными экологическими альтернативами всё больше входят на повестку дня и противоположные им анти-экологические альтернативы, в основе которых лежит негативизм и неприятие примата антропогенных факторов современного изменения климата (противники научной валидности основ Монреальского и Киотского протоколов и т.п.). Этот экологический негативизм часто смыкается с несистемными правыми движениями в общеполитическом контексте «альтернативных правых».

Ещё один ключевой (и конфликтогенный) аспект Global Commons – это восприятие усиливающихся сегодня экологических ограничений в контексте права на развитие беднейших стран мира. С их стороны звучат заявления, что вся экологическая политика развитого мира представляет собой, по сути, новую форму неокOLONиализма (экологический неокOLONиализм), поскольку, когда проходило промышленное развитие самого Запада в XIX–XX вв., там никто не думал об экологии, а сейчас строгие экологические (и иные) ограничительные нормы (формально связанные с заботой о Global Commons) фактически представляют собой барьеры на пути будущего развития стран «третьего мира» – тем самым закрепляя неравенство между «золотым миллиардом» и остальной планетой. И если, опять же, в умеренных трактовках эти озабоченности принимаются во внимание (в том же Киотском протоколе развивающиеся страны избежали количественных ограничений на выбросы), то радикальные альтернативы этого экологического антиколониализма и девелопментализма способны также стать вызовом существующему статус-кво и глобальному порядку.

Не менее остро в контексте Global Commons стоит проблема демографическая: в частности, начавшиеся дискуссии (далеко не политкорректные) о нехватке планетарных ресурсов для растущего населения Земли. Они тянут

за собой и мальтузианские «страшилки» о неминуемой перенаселённости Земли, и призывы к ограничению потребления (в т.ч. и барьеры на пути перехода от бедности к глобальному среднему классу и вновь — к закреплению глобального неравенства). С этим же связан и столь же неpolitкорректный вопрос о том, что рост уровня здравоохранения в беднейших странах напрямую влечёт за собой резкий демографический прирост и, соответственно, усугубление всех вышеописанных проблем. Конфликтный потенциал этого круга проблем также очевиден.

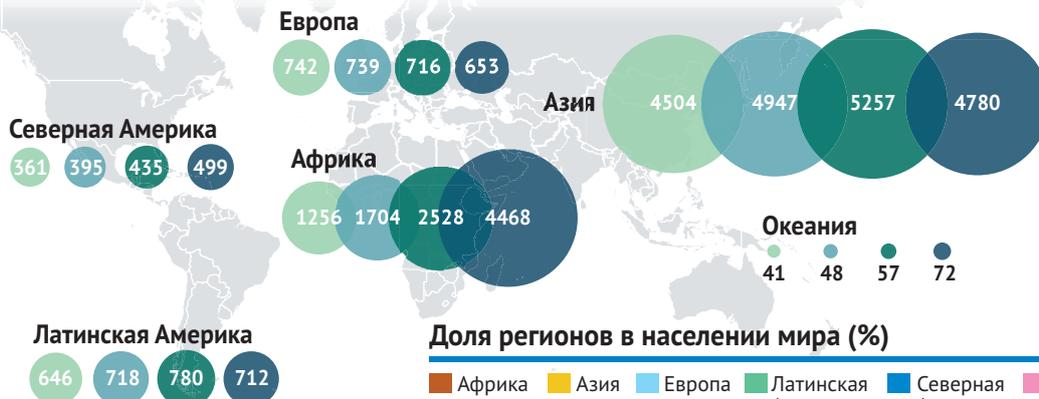
Важно и то обстоятельство, что проблематика Global Commons (в первую очередь, экологическая, но не только) очень быстро получила и теоретическое осмысление. Его развитие шло по нескольким путям. С одной стороны, происходят попытки связать экологические сюжеты с традиционными политическими теориями (такими, например, как неоллиберализм, структурный реализм, неомарксизм и др.). С другой стороны, в этой сфере получили большое распространение теории экологического переустройства глобального общества и политических систем. Иногда они идут в рамках конструктивистской парадигмы, но часто и выходят за её пределы. При этом некоторые из этих теорий в силу понятной широты перспективы носят выраженный футурологический, а иногда и утопический характер.

Другой особенностью данного процесса стало то, что экологические дискуссии быстро приобрели политическое измерение. Сформировались партии «зелёных», и во многих странах они являются значимым фактором электорального процесса, проходят в парламенты и оказывают существенное воздействие на политику соответствующих государств. Программы и стратегии этих партий естественно ставят проблемы экологии во главу угла, и тем самым различные экологические теории трансформируются в политические идеологии. Не менее явственно этот процесс идёт и в глобальном масштабе. При этом если на уровне государств экологическая проблематика часто привязана к тем или иным локальным аспектам (таким как охрана природы при инфраструктурных проектах, приоритетное строительство объектов «зелёной энергетики», развитие заповедников и пр.) и, таким образом, «приземлённа», то на глобальном уровне как раз и получают распространение выписанные «широким мазком» идеологии переустройства общества и мира на экологических началах. И эти экологические альтернативы, в свою очередь, формируют глобальное общественное мнение и постепенно меняют международную политическую повестку дня. Во многом благодаря этому

НАСЕЛЕНИЕ МИРА: ПЕРСПЕКТИВЫ И ТRENДЫ

Подъем Африки

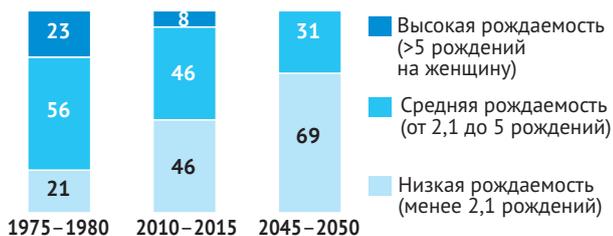
млн человек

Доля регионов в населении мира (%)

Уменьшение рождаемости (% населения мира)

Бремя или дивиденд? (% населения по возрастным группам)

	0–14	15–24	25–59	60+
В мире	26	16	46	12
Африка	41	19	35	5
Азия	24	16	48	12
Европа	16	11	49	24
Латинская Америка	25	17	46	12
Северная Америка	19	13	46	22
Океания	23	15	45	17

Новые лидеры? (млн человек)

Год	Страна	Население (млн)
1950	Китай	554
	Индия	376
	США	159
	Россия	103
	Япония	83
	Германия	70
	Индонезия	70
	Бразилия	54
	Великобритания	51
	Италия	47
2017	Китай	1410
	Индия	1339
	США	324
	Индонезия	264
	Бразилия	209
	Пакистан	197
	Нигерия	191
	Бангладеш	165
	Россия	144
	Мексика	129
2050	Индия	1659
	Китай	1364
	Нигерия	411
	США	390
	Индонезия	322
	Пакистан	307
	Бразилия	233
	Бангладеш	202
	ДР Конго	197
	Эфиопия	191
2100	Индия	1517
	Китай	1021
	Нигерия	794
	США	447
	ДР Конго	379
	Пакистан	352
	Индонезия	306
	Танзания	304
	Эфиопия	250
	Уганда	214

Источник: World Population Prospects 2017 (ООН).

постепенно формируется и система глобального экологического управления. А в её рамках ставятся вопросы о глобальной экологической ответственности отдельных государств и корпораций, о целесообразности надгосударственного характера принятия политических решений в сфере экологии, об обосновании права на вмешательство во внутренние дела государств по экологическим проблемам.

Поэтому анализ различных экологических теорий и идеологий, в том числе и радикальных, альтернативных сложившемуся положению дел, имеет вполне явное политическое значение. Поскольку они во всё большей степени будут влиять на глобальную политику будущего и место тех или иных государств в ней.

Идеологии энвайронментализма: 50 оттенков зелёного

Опасения относительно экологического благополучия планеты породили целый ряд философских и идеологических течений, а также общественных движений, которые можно объединить общим термином «энвайронментализм». Сторонники этого направления стремятся к улучшению состояния окружающей среды и к её защите путём изменения характера взаимоотношений человека и природы через введение новых или изменение и отмену старых политических, экономических и социальных практик.

Энвайронментализм как идеологическое течение сформировался в 1960-е–1970-е гг. под влиянием ряда работ, посвящённых природоохранной проблематике, в частности «Безмолвной весны» Рэйчел Карсон¹, «Проекта выживания» под редакцией Эдварда Голдсмита² и доклада Римскому клубу «Пределы роста»³. В данном докладе был сделан особый акцент на ограниченности природных ресурсов, неизбежности глобального коллапса в случае продолжения политики прогресса. Он предельно провокационно поставил вопрос о том, что для выживания человечество должно отказаться от веры в прогресс и перейти к политике самоограничения. После чего в развитых

---

¹ Carson R. *Silent Spring*. Boston: Houghton Mifflin. 1962.

² Goldsmith E. *A Blueprint for Survival // The Ecologist*. 1972. Vol. 2. No. 1. P.1-44.

³ Meadows D., Meadows D.H., Randers J., Behrens W.W. *Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind*. NY: Universe Books. 1972.

государствах энвайронментализм стал индикатором «постматериального» этапа развития общества и развивался параллельно с движением за мир и разоружение, что позволило «зелёным» заручиться поддержкой довольно большого числа сторонников.

Центральной темой как для существующего экологического дискурса, так и для проблемы Global Commons стал вопрос об **устойчивости** (sustainability). При этом сам концепт устойчивости является довольно сложным и размытым: он включает в себя целый спектр разнородных задач и, как правило, является качественной характеристикой концепции развития. Более того, чтобы развитие считалось устойчивым, оно должно «удовлетворять потребности настоящего времени, не ставя под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности»⁴. Это определение, данное ООН ещё в 1987 г., легло в основу видения концепции устойчивого развития на международном уровне и после саммита 1992 г. в Рио-де-Жанейро было принято большинством стран, что нашло своё отражение в национальных законодательствах. Эта концепция в определённой мере стала контрответом на алармизм «Пределов роста» и давала понять, что развитие и прогресс всё равно возможны, и прогнозы ресурсного коллапса не фатальны.

Эти тенденции в глобальном общественном мнении привели и к трансформации энвайронменталистских идей в политические стратегии. Но здесь достаточно чётко стала явной одна особенность. Дело в том, что спецификой многих направлений энвайронментализма является частичный или полный отказ от антропоцентризма, основывающийся на представлениях о ценности любой, а не только человеческой жизни, в то время как традиционные политические идеологии исходили из антропоцентристских представлений об отношениях между человеком и природой, представляя её лишь источником материальных ресурсов для развития человечества.

Подобный подход неизбежно выводил энвайронменталистов за пределы классического политического спектра (либералы, консерваторы, социалисты и пр.). Впрочем, объективные потребности в представлении собственных интересов и отсутствие реальной альтернативы вынудили «зелёных» всё же включиться в политические процессы, несмотря на то, что традиционные политические партии были воплощением всего того, против чего выступали энвайронменталисты — а именно системы, в которой главную роль играют

⁴ World Commission on Environment and Development. *Our Common Future. Report (1987)* // UN Documents: *Gathering a Body of Global Agreements*. URL: <http://www.undocuments.net/our-common-future.pdf>

стремящиеся к власти и экономическим выгодам акторы, желающие удовлетворить собственные корыстные интересы путём политического давления. Сами же энвайронменталисты позиционировали себя «ни слева, ни справа, но впереди» классического партийного спектра.

Тем не менее, можно выделить попытки сближения энвайронментализма с традиционными политическими идеологиями. Так, неолиберализм нашёл свой «оттенок зелёного» благодаря концепции **«энвайронментального свободного рынка»**. Для этого течения неолиберализма, представленного, например, Терри Андерсоном и Дональдом Лилом⁵, экологические проблемы являются следствием отсутствия чётко определённых прав собственности и механизмов ценообразования, а для разрешения этой проблемы необходимо расширить роль рынка и привить его участникам потребность в экологически безопасных товарах и услугах.

Что касается **консерватизма**, можно отметить, что многие «зелёные» теории несут в себе такие ключевые его конструкты, как стабильность, преемственность, озабоченность судьбой будущих поколений и приоритет общественного над индивидуальным. Кроме того, схожесть консерватизма и энвайронментализма кроется также в часто скептическом отношении к постулату о неизбежности или желательности «прогресса» и индустриализации. Обращает на себя внимание и то, что природоохранные движения часто основаны на консервативном и романтическом видении природы: своего рода экологический консерватизм можно проследить и в стремлении сдерживать чрезмерный рост городов.

Социалистические идеологии, в свою очередь, близки энвайронментализму с точки зрения внимания, уделяемого борьбе с бедностью, справедливому распределению ресурсов и социального равенства. В области политической экономии социалистическая мысль указывает на глубину разрушительного воздействия капитализма на различные аспекты функционирования общества, что позволяет перевести дискуссию относительно состояния окружающей среды в русло критики капиталистического производства и экономики. Неслучайно это сочетание экологических и социалистических воззрений было широко распространено среди антиглобалистов.

В этом контексте важно отметить, что некоторые энвайронменталистские течения не ограничиваются поиском точек соприкосновения

---

⁵ Anderson T.L., Leal R.L. *Free Market Environmentalism*. New York: Palgrave. 2001.

с системными политическими идеологиями, но осознанно выходят за их рамки. Здесь уместно вспомнить классификацию норвежского философа Арне Несса, различавшего «глубокую» и «поверхностную» (она же гуманистическая) **экологию**⁶. «Поверхностная» экология исходит из нужд человека в рассмотрении экологических проблем и не распространяет этические нормы на окружающий мир. В рамках этого направления дискуссия в основном ведётся вокруг потребности поддерживать окружающую среду в таком состоянии, которое позволит удовлетворять потребности и поддерживать достойное существование нынешних и будущих поколений (именно этим в первую очередь и занимаются «зелёные партии» и на этом базируется концепция устойчивого развития). «Глубокая» экология, напротив, распространяет этические нормы на всё живое и отвергает представления об уникальности человека. Сторонники этого направления не приемлют классических идеологий, и признают лишь собственную философию, основанную на экологических и холистских принципах и убеждённости в том, что человек обязан сохранить хрупкое природное равновесие.

Вполне естественно, что сторонники «глубокой» и «поверхностной» экологии имеют определённые претензии друг к другу. Сторонники «глубокой» экологии часто говорят, что завуалированный антропоцентризм «поверхностной» экологии направлен на поддержание благополучия жителей развитых стран. Сторонники «поверхностного» течения склонны полагать, что идеи «глубокой» экологии подразумевают нереалистичные подходы к решению существующих проблем экологического толка, поскольку часто основаны на иррациональных и мистических воззрениях.

В этом ключе энвайронментализм и радикальный отказ от антропоцентризма тесно связывается с проблемами духовности (уже широко распространён термин «**экодуховность**» — «ecospirituality»). Поэтому некоторые критики энвайронментализма позиционируют его как квази-религию или религию будущего. К примеру, Брон Тейлор опубликовал монографию «Dark Green Religion: Nature Spirituality and the Planetary Future»⁷. В этом же контексте права животных — и шире, права природы — начинают восприниматься как более значимые, чем права человека. Это уже проявляется на практике, в частности, в Кении есть примеры того, как местное скотоводческое население народа масаев ограничивается в использовании

---

⁶ Naess A. *The Shallow and the Deep, Long-Range Ecology Movement: A Summary // Inquiry: An Interdisciplinary Journal of Philosophy. 1973. Vol. 16. P. 96–100.*

⁷ Bron T. 'Darkgreenreligion'. *Nature Spirituality and the Planetary Future. Berkeley: UC Berkeley Press. 2009.*

традиционных пастбищ в целях расширения заповедных зон вокруг парка Масаи-Мара. Такая тенденция может в достаточно близком будущем сформировать своего рода новый идеологический фронт или кливидж.

Радикальное воздействие человека на природу и необходимость его осознания и ограничения привели к появлению ещё одной концепции — **антропоцена**. Согласно её постулатам, человек из биологического вида превратился уже в геологическую силу, которая меняет не только биосферу, но всю планету Земля, и в современной геологической эпохе воздействие человека на эволюцию Земли превосходит идущие миллионы лет природные процессы и является её определяющим фактором. Одним из сторонников этой гипотезы является австралийский эксперт Клайв Хэмилтон⁸.

На стремлении противодействовать такому антропоцентризму в изменении природы основывается концепция **экосемиотики**, близкая по духу к вышеупомянутой «глубокой экологии» и разрабатываемая сегодня семиотической школой университета Тарту. Она, с одной стороны, отталкивается от общих положений семиотики как теории знаковых систем (которую применительно к культуре в том же университете Тарту ранее разрабатывал Юрий Лотман). С другой стороны, в её основу закладываются положения биосемиотики (т.е. системы знаков и коммуникации в животном мире⁹), но при этом знаково-коммуникационными возможностями наделяются не только отдельные животные, но экологические системы в целом (в локальном варианте — отдельные биоценозы, а в расширенных, радикальных трактовках — и экосистема Земли в целом). С помощью экосемиотики природа и осуществляет обратную связь с человеком и реагирует на его вмешательство. Однако и здесь — до экодуховности лишь один шаг. Стоит также отметить, что многие подобные концепты очень близко соприкасаются с идеями школы **«русского космизма»** начала XX в. (например Владимира Вернадского и других). Также близки к «глубокой экологии» и экодуховности различные течения **экоанархизма**, делающие акцент на том, что государства, заботящиеся о консолидации ресурсов в своих руках, априори не могут быть эффективными для решения глобальных экологических проблем, и потому они должны уступить место самоорганизации глобального общества

---

⁸ См. например: Hamilton C. *Defiant Earth: The Fate of Humans in the Anthropocene*. Sydney-London: Allen & Unwin. 2017.

⁹ См.: Hoffmeyer J. *Biosemiotics. An Examination into the Signs of Life and the Life of Signs*. Scranton-London: University of Scranton Press. 2008.

на экологических началах. К их числу относятся концепции экокommунализма¹⁰, а также, в определённой степени, социальной экологии¹¹.

Другой тренд в радикальном энвайронментализме связан с **экоавторитаризмом** как необходимым с точки зрения его сторонников ответе на экологический алармизм и исчерпание ресурсов. Здесь можно выделить концепцию «Трагедии общин» американского эколога Гарретта Хардина¹². Необходимые ограничения уровня производства и потребления, по его мнению, не могут быть достигнуты за счёт самоограничения индивидов или демократических процедур. В этой связи предлагается временно ограничить права и свободы частных лиц ради всеобщего экологического блага¹³. Также потребуются искусственное замедление темпов роста для предотвращения экологического кризиса, что неизбежно приведёт к внутренним конфликтам вокруг оставшихся ресурсов, с чем демократические режимы не смогут справиться достаточно эффективно и быстро. В более поздней работе «Этика спасательной шлюпки» Гарретт Хардин выдвинул ещё более радикальную идею о том, что развитые страны обязаны отказаться от помощи развивающимся странам, чтобы обеспечить собственное выживание¹⁴. Стоит отметить, что экоавторитарные идеи часто находят своё отражение в предложениях, касающихся распределения ресурсов и контроля миграции. Иногда в критике данной теории используется и термин «экофашизм».

Экология и «общество риска»

Рассмотренные выше концепции ставили вопросы экологии во главу угла, всем им был присущ своего рода «экоцентризм». В то же время не будет преувеличением сказать, что для многих «общих» социально-политических теорий вопросы экологии и изменения климата занимали лишь подчинённое место (если занимали вообще). В них лишь рефреном упоминались «устойчивое развитие» и другие ставшие уже мейнстримом

---

¹⁰ Sale K. *Dwellers in the Land: The Bioregional Vision*. San Francisco: Sierra Club Books. 1985.

¹¹ Bookchin M. *Towards an Ecological Society*. Montreal: Black Rose Books. 1980.

¹² Hardin G. *The Tragedy of the Commons // Science. New Series*. 1968. Vol. 162. No. 3859. P. 1243–1248.

¹³ Ophuls W. *Leviathan or Oblivion // H. Daly (ed.). Toward a Steady-State Economy*. San Francisco: W.H. Freeman. 1973. P. 215–230.

¹⁴ Hardin G. *Living on a Lifeboat // BioScience*. 1974. Vol. 24. No. 10. P. 561–568.

экологические постулаты, а основное внимание обращалось на традиционные («внеэкологические») аспекты развития обществ и политических систем. Тем самым экологические концепции часто оказывались оторванными от основного предметного поля общественных наук и оказались в своего рода нише самостоятельных, замкнутых в себе. А между энвайронменталистами, с одной стороны, и социологами и политтеоретиками — с другой, пролегла невидимая граница, переходить которую последние часто не предполагают. Из этого положения дел, впрочем, есть несколько исключений.

Ключевое из них связано с теориями **«общества риска»**. Они делают акцент на том, что особенностью современного социума является возросший уровень рисков и угроз, который ему приходится испытывать. Они носят разнообразный характер (террористические, военные, технологические, миграционные, связанные с идентичностью, информационные, экономические и иные). К их числу относят и экологические риски. Ульрих Бек в своей работе 2016 г. формулирует концепт «метаморфозы мира». По его логике природа сегодня стала продуктом истории человека, а её разрушение тесно интегрировано в социальную динамику развития общества. Тем самым происходит социетализация природы и социетализация её разрушения¹⁵. Другим аспектом такого подхода стало формулирование «парадокса Гидденса»¹⁶, когда риски изменения климата не воспринимаются значительной частью общества серьёзно, поскольку они не оказывают прямого и непосредственного воздействия на его жизнь сегодня. А затем уже будет поздно.

Тесно связанными с «обществом риска» в социально-политических теориях являются различные концепции **катастрофизма**. Они особенно усилились после Фукусимской аварии, когда природная катастрофа (цунами) привела к технической¹⁷. Бек в этой связи развивал концепцию «эмансипирующей», солидаризирующей роли катастроф, когда «травматический опыт шокирует и объединяет крайне индивидуализированный мир общества риска»¹⁸. Чарльз Перроу и Джон Урри в этой связи дают дальнейшее развитие теории «нормальных аварий», в которой

---

¹⁵ Beck U. *The Metamorphosis of the World: How Climate Change Is Transforming Our Concept of the World*. Camb.: Polity Press. 2016.

¹⁶ Giddens A. *The Politics of Climate Change*. Camb.: Polity Press. 2009. P. 69–72.

¹⁷ См. например: Gill T., Steger B., Slater D.H. (eds.). *Japan Copes with Calamity: Ethnographics of the Earthquake, Tsunami and Nuclear Disaster of March 2011*. Bern: Peter Long AG. 2013.

¹⁸ Beck U. *World at Risk*. Camb.: Polity Press. 2009. P. 70–71.

катастрофы являются не исключением, а правилом для общества риска¹⁹. Урри также выдвигает «теорию коллапса» глобального социума в после-нефтяную эпоху, применяя к обществу второй закон термодинамики с его неизбежным возрастанием энтропии и возрождая старые пессимистические прогнозы «Пределов роста»²⁰.

Эконегативизм

Наконец, особняком применительно к экологическим идеологиям стоит своего рода **эконегативизм**. Его отличает неприятие аргументации, лежащей в основе как различных течений энвайронментализма, так и практической международной политики по борьбе с изменением климата. Особую остроту полемика эконегативистов получила в связи с разработкой международных механизмов по контролю за выбросами в атмосферу (например, Монреальский протокол, Киотский протокол, Парижское соглашение, соответствующие программы ЕС и др.). Среди контраргументов эконегативистов большое место занимают тезисы о неантропогенной природе роста выбросов парниковых газов и разрушения озонового слоя. Как пример такого подхода можно привести «водородную гипотезу», которую в России разрабатывает В.Л. Сывороткин²¹ и суть которой состоит в том, что в основе происходящих изменений лежит не деятельность человека, а глубинная дегазация водорода из недр Земли. Есть и иные гипотезы неантропогенного характера изменения климата.

Следует также отметить, что в контексте острой политической дискуссии по поводу присоединения тех или иных стран к Киотскому протоколу и иным соглашениям такого рода аргументы эконегативистов стали приобретать не только естественно-научный, но и политический характер. В наиболее радикальных трактовках они иногда смыкались с «теорией заговора» — со стороны корпораций, глобалистов, Запада и так далее.

---

¹⁹ Perrow Ch. *The Next Catastrophe: Reducing Our Vulnerability to Natural, Industrial and Terrorist Disasters*. Princeton: Princeton University Press. 2007. P. 14; Urry J. *Climate Change and Society*. Camb. 2011. P. 36–47.

²⁰ Urry J. *Societies Beyond Oil*. London: Zed Books. 2013. P. 225–231.

²¹ Сывороткин В.Л. *Экологические аспекты дегазации Земли*. М. 1998; Сывороткин В.Л. *Глубинная дегазация и глобальные катастрофы*. М. 2002.

С политическими аспектами эконегативизма в определённой мере связано и неприятие ограничительных мер в рамках глобальной экологической политики в ряде концепций, появившихся в развивающихся странах. Они зачастую базируются на постулатах **девелопментализма** в тех его трактовках, что богатые страны («Запад», «Север», «золотой миллиард») отказывают странам «третьего мира» в праве на развитие. Суть этой логики, в частности, в том, что когда развитые страны проводили свою индустриализацию в течение XIX–XX вв., они совсем не думали об экологии (и именно они виновны в загрязнении окружающей среды и изменении климата). А сейчас «под предлогом экологии» Запад/Север стремится сдержать промышленное и иное экономическое развитие Юга, исходя из соображений прежде всего глобальной экономической конкуренции. Тем самым эти трактовки формируют концепт **экологического неокOLONИализма**.

Инструменты реализации экологических идеологий

Реализация энвайронменталистских идеологий в политической практике идёт по нескольким путям. С одной стороны, концепция устойчивого развития легла в основу экологической политики ООН и других межправительственных организаций, а также природоохранной политики многих государств. С этим связано и внедрение в практику различных новаций в экономике: акцент на возобновляемых источниках энергии, квоты на выброс парниковых газов и идеи «безуглеродной экономики», экологические стандарты топлива и так далее. С другой стороны, применительно к гражданскому обществу, на внутригосударственном уровне следует отметить развитие и электоральный успех в целом ряде стран нового типа политических партий — **партий «зелёных»**. А на транснациональном, глобальном уровне это выразилось в развитии сети планетарных **экологических НПО**, таких, как «Гринпис», Всемирный фонд дикой природы и других. В целом (несмотря на исключения), на национальном уровне следует говорить прежде всего о реализации стратегий «поверхностной экологии» (в вышеупомянутом смысле Арне Несса), а на глобальном уровне, помимо этого, проявляется больше возможностей для попыток реализации концептов «глубокой экологии».

Вновь напомним в этой связи вышеприведённую установку, что энвайронменталисты должны быть не слева или справа, а «впереди» традиционного партийного спектра. Иными словами, «зелёная» партия должна была стать неким координирующим органом, формирующим повестку дня, исходя из реальных нужд своих сторонников, а не из абстрактных идеологических воззрений. Впрочем, как показала практика, в реальности значительная часть действующих и относительно успешных «зелёных» политических партий и международных НПО оказались левоцентристами или левыми.

К примеру, в рамках фракционной структуры Европарламента экологические партии стран Северной Европы объединены с крайне левыми и коммунистическими силами в общую группу Европейские объединённые левые/Лево-зелёные Севера (European United Left – Nordic Green Left). И в результате их проэкологические установки тесно смыкаются с требованиями радикальных социальных преобразований, социального равенства, и «призрак коммунизма» парадоксально становится средством для достижения экологических целей. И в целом исторические корни многих «зелёных» движений в Западной Европе берут своё начало в социальных и студенческих протестах 1968 г., а также были связаны с движением за разоружение и безъядерный мир. Так, один из лидеров немецкой партии «зелёных» Йошка Фишер начинал свою политическую деятельность как активист протестов той поры. Набравшая более 9% голосов на парламентских выборах 2017 г. голландская партия «зелёных» левых исторически также представляет собой объединение местных коммунистических, пацифистских и евангелистских групп. Тем не менее понятно, что все страны слишком разнородны, и успех «зелёных» партий в них далеко не одинаков. Примеры Германии, Голландии, Исландии и ряда других стран с наибольшим электоральным успехом «зелёных» сочетаются с противоположными результатами как в иных странах Запада, так и в незападном мире, где государства часто предпочитают проводить природоохранную политику без посредничества «зелёных» партий («охрана природы без идеологии»).

Помимо вырастания «зелёных» движений из общесоциальных протестов, другой путь формирования активности такого рода общественных движений и/или государственной экологической политики связан со случаями серьёзных природно-техногенных катастроф или резкого ухудшения экологической ситуации в стране. В первом случае ярким примером служит авария на АЭС Фукусима-1, которая активизировала затихшую после

Чернобыля дискуссия относительно экологической безопасности атомных электростанций, причём не только в самой Японии, но и в Германии, и во Франции. Во втором случае интересен пример Китая, когда изнанкой «глобальной фабрики» стало прогрессирующее ухудшение окружающей среды. В результате, согласно принятому в 2015 г. закону об охране окружающей среды, впервые в истории Китая этот вопрос получил статус базовой национальной политики.

Кроме того, немалый интерес представляют **страновые аспекты экологических идеологий**. В ряде государств при выработке экологической политики можно проследить тесную связь формулируемых экологических идеологий с вопросами национальной идентичности, с историческими и культурными традициями данной страны. Такого рода подход, с одной стороны, обладает консолидирующим действием в отношении населения данной страны и привлечения его внимания к экологии, делает экологическую проблематику естественной и более понятной для граждан, а с другой — часто позиционирует данную страну и её подходы как образец для других.

Одним из наиболее ярких примеров такого рода национальных экологических идеологий можно назвать Индию. Она получила своё программное раскрытие в выступлении индийского премьер-министра Нарендры Моди на Давосском форуме 2018 г. Его речь достаточно неожиданно для прагматичного экономического форума была насыщена многими цитатами из древнеиндийской философии, из Упанишад и других текстов. Они подчёркивали единство человека и природы, нашу связь с матерью-землёй, концепт «детей Солнца» («сурьяпутра») и так далее. Политические следствия этого были представлены в контексте недавней индийской инициативы по созданию Международного солнечного союза (International Solar Alliance), который объединяет страны, расположенные между Северным и Южным тропиками, и среди целей которого — более активное использование в этих странах солнечной энергии как одного из компонентов Global Commons. В то же время индийский премьер подробно остановился на проблемах разделённого мира. Основным барьер на пути достижения планетарного человеческого единства, по его мнению, — это разрыв между богатыми и бедными странами. Нарендра Моди подробно осветил этот тезис применительно к проблеме изменения климата. Он отметил, что развитые страны, хотя и призывают к ограничению выбросов парниковых газов и «безуглеродной экономике», но не хотят делиться соответствующими технологиями с развивающимся

миром. Фактически индийский премьер прямо поставил вопрос о том, что новые высокие технологии, тоже являются частью Global Common и потому должны быть доступны для всех стран и народов. А в отсутствие этого мы увидим ещё больший разрыв между богатыми и бедными.

Тем самым вновь становится актуальной старая тема о том, что под предлогом экологических барьеров и ограничений богатые страны отказывают бедным в развитии. Другая связанная с этим проблема, по словам Моди, – это фактическая недопредставленность стран развивающегося мира во многих международных организациях, прежде всего финансово-экономического спектра. Их голос гораздо менее весом на глобальной арене, чем позиции развитых стран. В итоге один из основных посылов Нарендры Моди состоял в том, что эффективное решение проблем экологии возможно только на пути преодоления глобального социального и экономического неравенства.

Другим примером развития такого рода национальных экологических идеологий стала Япония после цунами и Фукусимской аварии 2011 г. Здесь формулирование реакции общества на произошедшую катастрофу тесно увязывалось с постулатами традиционной японской этики, такими, например, как «шикатаганай» – что ничего нельзя поделать, восприятие катастрофы как неминуемой части жизни. В ряде трактовок использовался и более радикальный концепт «тенбатсу» – небесной кары²². Понятно, что такой подход имел своей подоплёкой и отказ от слишком настойчивого поиска виноватых в Фукусимской аварии, но в то же время он способствовал консолидации и успокоению общества, его быстрому переходу к ликвидации последствий аварии. На концептуальном уровне фукусимский пример занял большое место в экологических аспектах теории «общества риска».

Между тем благодаря взвешенной экологической политике правительства, резкого ухудшения экологической ситуации удалось избежать. Впрочем, в «третьем мире» такого рода примеров не так много. И здесь в первую очередь речь идёт о государствах-членах ЕС. Но в определённой степени подобное снижение промышленной нагрузки на окружающую среду в странах Запада вызвано масштабным переносом производства в развивающиеся страны.

---

²² См. например: Перова А.Е. Локальные нарративы «новой» катастрофы на примере аварии на АЭС Фукусима-1 в Японии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2017. Вып. 2. С. 226–234.

Экологические идеологии и глобальная практическая политика

Появление в свет Первого доклада Римскому клубу «Пределы роста» в 1972 г. совпало по времени с проведением первой масштабной Конференции ООН по окружающей среде. Тем самым выработка экологических идеологий и усилия международного сообщества по их практической реализации на глобальном уровне с самого начала шли рука об руку. Больше того, формат ООН как высокопрестижная международная площадка для экологических дискуссий сам по себе стал стимулом для дальнейшего развития и обсуждения различных параметров как текущей природоохранной политики, так и широких перспектив будущего переустройства глобального порядка на экологических началах. Эта синергия экологических идеологий и практических действий привела и к эффективному формированию глобального общественного мнения в пользу решения экологических проблем. А растущая популярность экологических идеологий, в свою очередь, повлияла на принятие значимых политических решений (таких, как Монреальский и Киотский протоколы, Цели развития тысячелетия, Парижское соглашение и др.). Идеологии и общественное мнение привели и к распространению экологической этики, которая носит как характер индивидуального выбора (отказ носить одежду из меха, вегетарианство как сознательный выбор, а не по медицинским показаниям, поддержка бродячих собак и пр.), так и корпоративной политики (начиная от призывов в гостиницах ограничить стирку полотенец до крупных природоохранных проектов ведущих экономических компаний мира).

В то же время серьёзные различия «мира с экологией» от «мира до экологии» стали, как уже отмечалось выше, вызовом для многих государств, воспринимаемым иногда как прямая угроза их суверенитету. Удорожание себестоимости в экономике за счёт природоохранных мероприятий (по крайней мере в текущей, краткосрочной перспективе) также является сдерживающим фактором. Нонконформизм некоторых «зелёных» движений приводит к их столкновениям с государствами и корпорациями. Всё это

в совокупности и привело к тому, что распространение экологических идеологий начало встречать негласное противодействие со стороны не столь уж малого числа государств и корпораций. На словах, естественно, все поддерживали охрану природы (экологическая этика в этом плане стала уже императивом), но на деле ситуация часто была иной. Это привело и к определённой востребованности со стороны государств на политические аспекты ряда эконегативистских теорий, что экологические идеологии — это лишь инструмент в глобальной конкурентной борьбе. Отдельную популярность такой подход получил прежде всего в незападном мире.

Это, в свою очередь, привело к появлению доктрин **«суверенных экологий»**, когда государство заботится об охране природы, но воспринимает это как собственное суверенное право (или в лучшем случае как обязанность, но только перед своими гражданами), но «не поддаётся диктату» извне по этим вопросам. Тем самым начал формироваться барьер между глобальными аспектами экологических идеологий (которые вполне естественны в силу планетарного характера экологических проблем) и локальной экологической политикой отдельных государств. Политика США в отношении Киотского протокола и Парижского соглашения показывает, что эта идеологическая доктрина «суверенной экологии» востребована отнюдь не только в незападном мире, но и внутри самого Запада. Таким образом, глобальные экологические идеологии часто начинают восприниматься не только (и не столько) как возможность для построения более устойчивого мира будущего, но как вызов и угроза текущей стабильности государств. И это относится не только к радикальным концептам «глубинной экологии», но и к «приземлённым» и практически реализуемым постулатам «поверхностной экологии».

Другой вопрос (помимо суверенитета и конкуренции), оказывающий сдерживающее воздействие на имплементацию экологических идеологий, относится к тесной взаимосвязи глобальной экологии и демографии. При этом дополнительную сложность (и деликатность) в эту дискуссию вносит то обстоятельство, что обсуждение этих проблем не всегда является политкорректным. Можно бороться с изменением климата самостоятельно, сокращать выбросы парниковых газов, вводить соответствующие квоты и прочее, но это не решит глобальную стратегическую проблему долговременного (в масштабе столетия) и гарантированного обеспечения пищей и водой увеличивающегося населения Земли. А это уже тянет за собой вопрос о глобальном

демографическом планировании — крайне неpolitкорректную задачу: неслучайно форумы ООН по народонаселению проходят, как правило, гораздо менее эффективно и более конфликтно, чем аналогичные форумы по экологии и изменению климата.

И здесь речь идёт не только о росте народонаселения. Проблема ещё и в том, что если бы всё население Земли зажило по стандартам потребления западного среднего класса (даже низшего среднего класса), то для обеспечения их пищей, водой и другими природными ресурсами понадобилась бы не одна, а целых три планеты Земля. А поскольку прирост населения Земли ожидается на уровне миллиард в десятилетие, то для обеспечения по западным стандартам 9–10 миллиардов людей уже в недалёком будущем понадобятся уже не три, а четыре планеты, а затем — пять и так далее. Но поскольку новых планет у нас нет, то динамично растущему населению придётся довольствоваться одной. При этом есть предельные возможности биосферы (по пахотным площадям, по запасам пресной воды и пр.), которая и так уже обслуживает человечество по максимуму своих возможностей. Неслучайно во многих экологических теориях, начиная от «Пределов роста», основным постулатом является то, что человечество переходит за грань возобновляемых ресурсов природы, и потому необходим поворот к экологическому планированию и самоограничению.

Но самоограничение, по вышеприведённой логике, неотделимо от разрыва между Севером и Югом. На упомянутых заседаниях Клуба «Валдай» приводились прогнозы, что в ближайшие несколько десятилетий ожидается не только рост общего населения Земли до 9–10 млрд, но, что не менее важно, рост глобального среднего класса — как минимум до 3 млрд. А это вызовет рост глобального потребления продовольствия как минимум на 50%, электроэнергии — на 45%, воды — на 30%. И всё это будет происходить в тот период, когда пороговые показатели состояния окружающей среды будут накладывать всё новые ограничения, а изменение климата и другие процессы всё больше будут сказываться на всех аспектах благополучия человека и природы. А это значит, неpolitкорректно называя вещи своими именами, растущее население Земли будет скоро не прокормить. Точнее говоря, на пресловутую миску риса в день на человека ресурсов планеты, возможно, и хватит — и при росте человечества в миллиард за десятилетие (с учётом неизбежного глобального согласия на генно-модифицированные продукты). Но вот обеспечить продовольственную и иную потребительскую корзину для представителей

глобального среднего класса (который тоже будет прирастать по миллиарду в десятилетие) у планеты Земля точно не хватит ресурсов.

А из этого следует очень простой и предельно неполиткорректный вывод. Главную проблему в будущем будет представлять не просто неконтролируемый рост населения Земли, а неконтролируемый рост среднего класса. Поэтому для предотвращения неомальтузианского апокалипсиса нужно не сдерживание общего прироста населения в беднейших странах мира – что сейчас является стереотипом глобального демографического планирования и уже вызывает острейшие споры и протесты, в том числе и религиозно обусловленные. Проблемой (или задачей – в неполиткорректной мальтузианской парадигме) является недопущение глобального перехода жителей неразвитых сегодня стран в средний класс. То есть бедные должны и дальше оставаться бедными. Иначе природа не выдержит. И цена «входного билета» в глобальный средний класс должна стать абсолютно заградительной и запредельно дорогой.

А это означает сознательное глобальное сдерживание развития – как государств «третьего мира», так и отдельных людей, живущих в них, и их домохозяйств. И очевидно, что конфликты будущего, которые будут происходить из этого, могут стать гораздо мощнее, чем геополитические споры сегодняшнего дня. И в отличие от геополитики, здесь нет готовой дорожной карты решения. А есть либо мальтузианский «хоррор», либо перекладывание проблемы на следующее поколение. И полный подрыв веры в прогресс. Тем самым вновь возрождается эсхатологическая идеология старого доклада «Пределы роста» – но уже в более циничной версии. Пределы роста – не для всех, а только для бедных. И никакое «устойчивое развитие» в его нынешнем виде по данной логике этому не поможет.

С этим связана и следующая важная проблема, вытекающая из глобального неравенства, – это проблема глобальной миграции. Она стоит крайне остро уже сейчас (достаточно вспомнить наплыв мигрантов в Германию и другие страны ЕС в 2015–2016 гг. и примеры отсутствия солидарности между членами ЕС при её решении). Но по вышеприведённой логике это только начало, и в дальнейшем многомиллионное миграционное давление на страны развитого мира в целом будет только нарастать. Больше того, в контексте данных прогнозов демографического и социального развития мира на ближайшие два десятилетия возрастающими темпами будет трансформироваться и идеологическая подоплёка

глобального миграционного процесса. В рамках той самой неомальтузианской идеологии сдерживания развития среднего класса в странах «третьего мира» крайне остро может встать **вопрос о праве на миграцию**. И здесь могут появиться совсем иные глобальные ценности в отличие от тех, которые приняты сейчас.

Ведь, согласимся, что каждый человек имеет право жить лучше. Официально принятая на уровне ООН концепция устойчивого развития именно на этом делает акцент. Но если человек не может жить лучше в своей собственной стране из-за глобального неравенства в развитии, то по логике глобального планетарного единства человеческого социума он имеет право переехать туда, где лучше. Особенно в контексте вышеописанного ограничения на рост среднего класса в «третьем мире», что может встать на повестку дня ближайших десятилетий. И такая логика (и новые ценности) представляют собой совсем иной и принципиально более мощный вызов суверенитету государств, чем все нынешние геополитические игры с вмешательством во внутренние дела.

Поскольку в соответствии с этой новой планетарной ценностью все имеют право не только жить лучше, но и жить там, где лучше, это приводит к совершенно иной постановке вопроса. Ведь если в условной Германии живётся лучше, чем в условной Эритрее, то жители Эритреи имеют право на миграцию в Германию. И здесь уже лозунг «Германия для граждан Германии», лежащий в основе суверенитета, устаревает и приходит в противоречие с ценностью права на развитие. Тогда условная благополучная Германия становится достоянием не только её граждан, но глобальным достоянием всего человечества, и каждый имеет право на это достояние. Появляется новый лозунг (и новая ценность) – «Германия для всех».

Ведь в контексте иссякающих природных ресурсов для обеспечения растущего населения Земли ситуация, когда в условной Эритрее будет нарастать голод и пределом мечтаний окажется всё та же миска риса в день, а в условной Германии жители будут продолжать благоденствовать, станет всё больше противоречить ценностям планетарного единства человеческого рода и гуманизма в его высшем, изначальном значении. Поскольку Global Commons являются всеобщими, то исходя из этой ценности планетарного единства человечества, каждый имеет право жить там, где лучше доступ к Global Commons. А отсюда виден прямой вызов нерушимости

государственных границ стран «золотого миллиарда». И тогда попытка богатых стран отгородиться от бедных суверенными границами будет всё больше восприниматься как своего рода планетарный апартеид между богатыми и бедными. Который, очевидно, нужно будет как-то решать.

Таким образом, ещё не оформленные неоглобалистские ценности права на развитие и права на равное развитие вступают в противоречие и с ценностями суверенитета, и с неполиткорректной задачей по ограничению развития бедных стран и по отгораживанию развитого мира от остального человечества («Крепость Европа»). Конфликты будущего, которые могут возникнуть из этого противоречия, будут носить совсем иной характер, чем традиционные геополитические войны современности, но разрабатывать оптимальную глобальную стратегию по их предотвращению нужно уже сейчас.

Следующим вопросом, который может вступать в противоречие с экологическими доктринами, является технологический. Точнее говоря, это постоянное производство новых видов бытовой техники, рассчитанных по идеологии потребления на краткосрочное использование, после чего они должны заменяться новыми. Новый смартфон через год–два становится «старым», и потребительская мода требует заменить его другим. С новой машиной происходит то же самое и так далее. Естественно, что это постоянное **перепроизводство ради потребления** оказывает повышенную нагрузку на окружающую среду, а в случае крупногабаритной техники (те же машины) усугубляет глобальную проблему отходов и их утилизации. Компании-производители техники под глобальными брендами, хотя и поддерживают природоохранные инициативы (императив экологической этики), но отнюдь не собираются отказываться от своих стратегий постоянной смены модельного ряда и перепроизводства товаров.

Поэтому составной частью многих экологических доктрин становится акцент на долгосрочном потреблении товаров. Для этого (помимо индивидуальной этической ответственности потребителя) предлагаются такие меры, как большие налоги на владение техникой, госрегулирование смены модельного ряда, развитие системы проката техники вместо её покупок, запрет на искусственное ограничение работы техники (например, чипы в принтерах, ограничивающие количество печатаемых страниц, программы в смартфонах, замедляющие их работу через два года и пр.) и так далее. Пол Хокен

с соавторами ещё в 1999 г. систематизировал эти предложения в концепции «Natural Capitalism»²³, её любил цитировать Билл Клинтон, но за два десятилетия так ничего и не произошло. Призывы к долгосрочному потреблению на деле оказались столь же нереализуемыми, как и самые утопичные концепты «глубинной экологии». Причём причина этого — не только в сопротивлении корпораций, но и в идеологии потребления, которая на поверку оказалась гораздо сильнее экологической.

С этими же вопросами связаны и звучащие в ряде экологических программ призывы к реформе Всемирной торговой организации (ВТО). Здесь, по данной логике, система глобальной свободной торговли вступает в противоречие с экологическими установками на долгосрочное потребление, поскольку она по этой логике, по сути, поощряет постоянное обновление модельного ряда ради роста потребления. Поэтому в экологическом дискурсе нередко призывы к отказу от принципов ВТО и переходу к своего рода «**экологическому протекционизму**», когда государства защищали бы свой рынок заградительными барьерами, но не ради конкуренции, а ради обеспечения долгосрочного потребления. Здесь парадоксально то, что призывы самих экологов к «экологическому протекционизму» по факту смыкаются с концепцией «суверенной экологии» ряда государств, призванной как раз ограничить глобальное экологическое влияние. Кроме того, наблюдая крайне сложный и малоэффективный процесс даже незначительной реформы квот в Международном валютном фонде (МВФ), с которым на словах были все согласны, трудно ожидать, что эти предложения экологов, по которым нет консенсуса, будут быстро реализованы. Впрочем, начатые Дональдом Трампом торговые войны против ЕС и Китая, ставящие под сомнение основные принципы ВТО, дают здесь сторонникам «экологического протекционизма» новую надежду.

Ещё одна непростая тема при реализации экологических доктрин — это то, что **в загрязнении окружающей среды усиливается сдвиг от бедных к богатым**. Если в 1972 г. в контексте первой Конференции ООН по окружающей среде Индира Ганди говорила, что главный загрязнитель в мире — это бедность и нищета (тогда бедные не могли справиться самостоятельно с решением своих проблем), то сейчас это превратилось в проблему богатых. В 2017 г. вышел новый доклад Римскому клубу, который получил название «Come On!»²⁴. В нем говорится о том, что, в том числе за счёт

---

²³ Hawken P., Lovins A., Lovins L.H. *Natural Capitalism: Creating the Next Industrial Revolution*. Boston: Little, Brown & Co. 1999.

²⁴ Von Weizsacker E., Wijkman A. *Come On! Capitalism, Short-Terminism, Population and the Destruction of the Planet. A Report to the Club of Rome*. 2017.

усиления концентрации капитала, верхний квадрант богатых, которые отвечают за более чем половину всего воздействия на окружающую среду, увеличился. Поэтому работать по снижению нагрузки на природу надо не с бедными, а с миллионерами. И невозможность нахождения здесь адекватных механизмов является одной из причин, почему экологические проблемы остаются нерешёнными.

Акцент на «богатых» загрязнителях постулируется не только по отношению к отдельным индивидуумам, но и к государствам. Здесь используется статистика «экологического следа»²⁵, которая у богатых стран обычно выше, чем у слаборазвитых. Более того, фиксируется, что чем выше индекс человеческого развития (Human Development Index), тем больше экологический след. Ни у одной страны пока не получилось добиться высокого индекса человеческого развития при низком экологическом следе. В этой связи звучат предложения о своего рода налогообложении государств (или товаров от их производителей) пропорционально величине экологического следа. Понятно, что это также встречает препятствия на пути реализации. По этой же логике, но как более реализуемая идея, обсуждается и введение **«карбонового» налога** на продукцию из тех стран с высоким экологическим следом, которые не присоединились к Парижскому соглашению. Ещё одно предложение – диверсификация взносов стран в глобальные экологические фонды пропорционально величине их экологического следа. Эти идеи встраиваются в более широкую дискуссию о целесообразности справедливого перераспределения финансовых ресурсов в мире. Но, как и любое «перераспределение», его экологические вариации также приводят к появлению значимого числа противников такого рода инициатив. Здесь снова встаёт вопрос о размывании государственного суверенитета, надгосударственном глобальном характере принимаемых решений и так далее. Ещё свежи в памяти активные уличные акции антиглобалистов, одним из требований которых было как раз справедливое перераспределение богатства в мире через «налог Тобина». Итогом же этой глобальной кампании стала лишь вышеупомянутая незначительная реформа квот в МВФ, да и та рождалась крайне непросто.

Главную проблему в будущем будет представлять не просто неконтролируемый рост населения Земли, а неконтролируемый рост среднего класса

---

²⁵ Экологический след (Ecological Footprint) – это интегрированный показатель нагрузки на окружающую среду, который измеряется на протяжении 20 лет в докладах «Живая планета» Всемирного фонда дикой природы и выражается в глобальных гектарах. Это – площадь земли, необходимая для обеспечения человека ресурсами и переработки производимых им отходов. За исключением малых островных государств, самый значительный экологический след на душу населения, – обычно у развитых стран мира.

Заключение

В целом, энвайронментализм как глобальная экологическая идеология в его различных вариантах оказал серьёзное воздействие на мировую политику. Результатом стало подписание масштабных международных соглашений и работа по их реализации. Практическим императивом (по крайней мере на словах) стала экологическая этика. Но в то же время реализация многих положений экологических доктрин наталкивается на порой негласное, но осязаемое сопротивление. Причины этого лежат в том, что глобальные экологические идеологии часто воспринимаются как вызов суверенитету государств и конкурентоспособности корпораций. Здесь постулат окружающей среды как глобального всеобщего достояния часто не работает.

Но наиболее острые проблемы возникают в контексте взаимосвязи глобальной экологии и демографии. Здесь становится всё более явным противоречие между природным и социальным аспектами Global Commons. В частности, призывы к ограничению потребления из-за исчерпаемости природных ресурсов Земли вступают в противоречие с правом на развитие (в т.ч. с правом на развитие среднего класса) в странах «глобального Юга». А формирующаяся ценность планетарного единства и равенства человеческого общества как одного из социальных компонентов Global Commons трансформируется в вытекающее из неё право равного доступа к глобальным благам. А в условиях отсутствия на практике права на развитие на «глобальном Юге» на этой основе постулируется ещё одно право: право на миграцию с «бедного» Юга на «богатый» Север. Частое отсутствие солидарности с мигрантами в принимающем обществе уже делает этот вопрос крайне конфликтным.

В будущем это будет нарастать. Тем самым идеология Global Commons, пусть, исходя из лучших побуждений, по факту может привести к столкновению между динамикой экологического регулирования и социальным развитием глобального общества. Поэтому перед международным сообществом встаёт вопрос о совместных усилиях поиска весьма деликатного баланса между этими сферами и предотвращения возможных конфликтов в будущем. В основе же этих конфликтов лежит, во-первых, противоречие между государственным суверенитетом и Global Commons, а во-вторых, разрыв между Севером и Югом как вызов всей концепции глобального всеобщего достояния. Конфликт человека и природы упирается в конфликт богатых и бедных.

Этот текст и другие доклады можно
скачать на нашем сайте:
<http://ru.valdaiclub.com/a/reports/>

Данный текст отражает личное мнение автора или группы
авторов, которое может не совпадать с позицией Клуба,
если явно не указано иное.

ISBN 978-5-906757-90-6

© Фонд развития и поддержки Международного
дискуссионного клуба «Валдай», 2018

Российская Федерация, 115184, Москва,
улица Большая Татарская, дом 42